

Реально воображаемые: урбанистическое пространство в постколониальной научной фантастике

Ю. П. Хорошевская

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия
armaiti@inbox.ru

Аннотация. Настоящее исследование ставит целью выявление особенностей изображения урбанистического пространства в постколониальной научной фантастике. Описывая город как пространственный палимпсест, постколониальная научная фантастика обращается не только к его горизонтальному измерению, соединяя в одной точке исторические эпохи, материальные и нематериальные объекты, но и к вертикальному – от подземелья метро до ливневых стоков и небоскребов. Основными методами исследования послужили метод сравнительного анализа, типологический метод, а также постколониальные дискурсивные практики.

Ключевые слова: постколониальная научная фантастика, урбанистическое пространство, палимпсест, мультикультурализм, третье пространство, хронотоп, лиминальность

Для цитирования: Хорошевская Ю. П. Реально воображаемые: урбанистическое пространство в постколониальной научной фантастике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 111–117.

Original article

Real Imaginary: Urban Space in Postcolonial Science Fiction

Yuliya P. Khoroshevskaya

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia
armaiti@inbox.ru

Abstract. This study aims to identify the features of the depiction of urban space in postcolonial science fiction. Describing the city as a spatial palimpsest, postcolonial SF refers not only to its horizontal dimension, connecting historical eras, material and intangible objects at one point, but also to the vertical – from the subway underground to storm drains and skyscrapers. The main research methods were the comparative analysis method, the typological method, and postcolonial discursive practices.

Keywords: postcolonial science fiction, urban space, palimpsest, multiculturalism, Thirdspace, chronotope, liminality

For citation: Khoroshevskaya, Y. P. (2025). Real imaginary: urban space in postcolonial science fiction. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 111–117. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В попытке исследовать отношения между литературой, социально-политическими структурами, реальной и воображаемой географией понятия пространства, места, локуса и топоса давно стали «тотемическими концепциями». Геокритика Б. Вестфала и Р. Толли вводит в культурологический обиход понятие «литературной картографии», утверждая, что представления о пространстве часто трансгрессивны и основаны на всевозможных последствиях пересечения границ (не только географических), а также установлении новых отношений между людьми, местами и вещами. Раскрывая взаимоотношения между пространством в литературе и литературой в пространстве, геокритика, по словам Толли, «исследует, ищет, обследует, копает, читает и пишет место»¹ [Tally, 2011, с. 3]. Поскольку объектом ее интереса являются как раз «реальные» и «воображаемые» пространства, она на них не только смотрит, но и «слушает, касается, обоняет и пробует на вкус» [там же]. Иными словами, геокритика исследует способы, формы и пути, с помощью которых авторы создают «реальные и воображаемые» пространства своих фикциональных миров.

В постколониальном дискурсе категория пространства всегда занимала центральное место, являясь неотъемлемой частью постколониального опыта. В фундаментальном труде Э. Саида появляются понятия «воображаемой» и «конкретной» географии. Кроме того, само постколониальное пространство определяется как «третье», выступая своеобразным противоречием бинарной логики таких дихотомий, как «свое – чужое», «Восток – Запад», «колонизатор – колонизируемый» [Said, 1994]. С. П. Толкачев справедливо замечает, что «в данном случае происходит поиск неких альтернативных пространств, некоего “третьего”, неких иных способов мышления и логических путей, способных объяснить сложность явлений человеческого мира» [Толкачев, 2015, с. 259]. Третье пространство получает свое развитие в работах Э. Соджи, который определяет его как воображаемую конструкцию, секретный или заколдованный объект, наполненный аллюзиями и намеками. В своих рассуждениях о пространстве Соджа следует не диалектическому принципу, но «триалектике», выстраивая свою воображаемую конструкцию из трех противоположностей: пространственность – историчность – социальность. Третье пространство в его концепции одновременно общее для всех, но при этом никогда не

поддается «полному видению и пониманию» [Soja, 1996, с. 56]. Если первое пространство относится к конкретным материальным формам, второе – к представлениям пространства, то третье включает в себя одновременно «познаваемый и непознаваемый, реальный и воображаемый мир переживаний, эмоций, событий и политических решений, который экзистенциально сформирован взаимодействием между центром и периферией, абстрактным и конкретным» [там же, с. 31].

Пожалуй, наиболее важное значение постколониальная критика придает роли пространства в процессе определения человеком своей идентичности. Научная фантастика (НФ) же, основываясь на своих «жанровых» принципах когнитивного острашения, экстраполяции и обязательного присутствия в тексте новума (*novum* в терминологии Дарко Сувина), обладает большим потенциалом для представления всех возможных форм инаковости. Замечание о том, что мейнстримная «западная» НФ является колониальным жанром, встречается у многих исследователей [Rieder, 2008; Tiffin, 2002; Langer, 2011; Banerjee, 2020; Doley, 2024] и основывается на преобладающем типе повествования о столкновении доминирующей культуры с инопланетным Другим, экспансии и захвате новых территорий, ведущемся от лица, собственно, доминирующей культуры, то есть завоевателя. Возможно, именно этот приключенческий сюжет и виновен в том, что НФ в массовом сознании предстает как эскапистская литература ввиду распространенной тенденции воспринимать ее как фантазию о будущем, но не рефлексию прошлого или настоящего. Однако концепция когнитивного острашения Дарко Сувина предполагает взаимодействие между познанием, облегчающим наше понимание текста, и острашением, отделяющим нас от нашего эмпирического опыта [Suvin, 1988]. С такой точки зрения НФ способна предлагать сложные и многогранные ответы на вызовы современности, а сам жанр особенно хорошо подходит для контрдискурсивных практик. Эти практики лежат в основе всей постколониальной литературы и могут, по мнению Х. Тиффин, использовать свой потенциал в текстах постколониальной НФ, которая, опираясь на колониальный фундамент жанра, постепенно переосмысляет и расширяет сформировавшийся жанровый канон [Tiffin, 2002]. Если отталкиваться от мысли о том, что и постколониальный дискурс в целом, и постколониальная НФ рефлексировать на тему колониального прошлого, то можем предположить, что их также объединяет тенденция к преодолению этой травмы и попытка предложить взамен новые пограничные пространства, в том числе урбанистические.

¹Здесь и далее перевод наш. – Ю. Х.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В качестве материала для исследования были взяты тексты постколониальных авторов, которые позиционируют свои произведения как НФ: «Смуглая девушка в круге» Нало Хопкинсон (1998), «Дели» Ванданы Сингх (2004), «Зоосити» Лорен Бьюкес (2010) и «Сестра-сестра» Рэйчел Цадок (2013). В этих текстах Йоханнесбург, Дели или Торонто представляют собой одновременно метафору, миф, альтернативную реальность и свою футуристическую версию. Авторы делают видимыми скрытые, забытые или давно ушедшие в прошлое слои города и преобразуют их в гибридное третье пространство, способствуя взаимодействию городского и текстового, материального и воображаемого, суеверного и рационального в дискурсивном пространстве постколониальной географии.

Основными методами исследования стали метод сравнительного анализа, с помощью которого отмечаются способы прочтения урбанистического пространства и творческой «реконструкции» реальности в рассматриваемых текстах; типологический метод, позволяющий выявить общность восприятия топоса города и его изображения как пространственного палимпсеста у авторов, принадлежащих различным культурам; а также опора на постколониальный дискурс, охватывающий проблемы гибридности, трансгрессии и пространства, где язык и культура колонизаторов находятся в противоречии с языком и культурой коренных народов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Дели как многослойный лабиринт

Рассказ Ванданы Сингх затрагивает идею путешествия ради поиска смысла. Главный герой Асим бродит по городу сквозь время и пространство в поисках чего-либо, что придало бы его жизни смысл. Мы встречаем Асима на мосту через Ямуну в момент попытки самоубийства, от которого его отговаривает таинственный человек, придающий его жизни смысл, точнее, чувство цели. В рассказе, по сути, два главных героя: Асим, чьими глазами мы смотрим на город, и сам город Дели.

Бродя по городу, Асим видит многочисленные картины прошлого и будущего: события, ландшафт, людей. Он чувствует себя социальным изгоем в современном Дели, неспособным найти свое место. Поэтому взгляд Асима на всё совокупное время и пространство города – это взгляд аутсайдера, человека отчужденного, утратившего собственную идентичность и чувство принадлежности конкретному времени и точке пространства. Преследуемый

разновременными видениями, Асим курсирует по городу в ущерб своему собственному психическому и физическому благополучию. Его способность привязывает его к пространству Дели не только эмоционально, но и физически: герой всё глубже ощущает свою чуждость, мысли о самоубийстве становятся отчетливее, а попытка покинуть город вызывает неконтролируемое чувство ужаса.

Колониальное прошлое Дели в рассказе не является забытой реликвией, оно впиталось в пространство на всех его уровнях. Город как будто восстает против ограничений линейного течения времени и его разрушительного воздействия на материальные объекты. Сингх изображает Дели как замкнутое пространство, где прошлое, настоящее и будущее перетекают друг в друга, находясь в состоянии перманентной лиминальности. Концепция асинхронного пространства-времени в фантастическом тексте, сформулированная Мэтью Канделарией, описывает пространственно-временной континуум, в котором «некоторые области Вселенной изображаются находящимися в будущем, а другие – в прошлом» [Candelaria, 2009, с. 136]. Такая концепция для постколониального дискурса означает увековечивание колониальной экспансии: цивилизаторской миссии по переносу предположительно отсталых цивилизаций периферии в технологическое будущее доминирующей культуры. Сингх в рассказе полемизирует с этой концепцией, возможно, опираясь на идею Х. Бхабхи о том, что колониальное прошлое «разрывает современность» [Bhabha, 1994, с. 252], гибридируя настоящее и в дальнейшем прерывая «континуум истории» [там же, с. 257]. Асим, который одновременно переживает прошлое, настоящее и будущее Дели, по сути, разрушает представления о линейности времени и самом пространственно-временном континууме. Объекты, с которыми Асим сталкивается на пересечении прошлого, настоящего и будущего Дели, одновременно являются тенями своих прежних «я», возвращающимися из прошлого и воплощающими свои собственные временные линии настоящего. Они, по сути, одновременно оторваны от прошлого, вброшены в настоящее и существуют в своем собственном времени, а взаимодействующий с ними Асим как будто балансирует между различными временными измерениями.

Дели для Асима – это многослойный лабиринт, который неспособны видеть остальные жители города:

Старые части Дели всё еще живы, мельком увиденные, как таинственные острова с проплывающего корабля, но тем не менее реальные. Он хотел бы обсудить свои временные видения с кем-то, кто

воспринял бы его всерьез... но по иронии судьбы единственный сочувствующий человек, которого он встретил и который разделяет его состояние, жил в 1100 году нашей эры или около того, во времена Притхвираджа Чаухана, последнего индуистского правителя Дели¹.

Взаимодействуя с различными временными пластами, Асим начинает задаваться вопросом, не заставил ли он сам историю произойти так, как она происходит. Однако же эта способность позволяет ему записать собственную историю города, которую он увидел, перемещаясь в пространственно-временном лабиринте Дели:

Среди толп, которые заполнили эти места, он видел призраки куртизанок и молодых людей, и кровь и гром вторжений, и тела принцев, повешенных британскими солдатами. Для него старый город, окруженный высокими, рушащимися каменными стенами, подобен сердцу старухи, которая вечно мечтает о своей юности.

Сложная структура Дели в рассказе – это полифония голосов и событий, которые позволяют Асиму пересматривать, перекраивать и переписывать историю города и, возможно, в дальнейшем вернуть себе свою идентичность:

Ему достаточно сделать шаг, и город поглотит его, примет его, как река принимает мертвецов. Он – частица в его жилах, благословленная или проклятая жить и умереть в нем, видящая свое предназначение сейчас и там, но никогда полностью.

Конструируя Дели как пространственный палимпсест, Сингх стремится подчеркнуть тот факт, что позиция наблюдателя способствует появлению разнородных повествований, которые противостоят установленным парадигмам и концепциям времени и пространства. Перемещаясь в нелинейном пространстве и времени, Асим создает собственную историю Дели, а его стремление задокументировать свои встречи с прошлым и будущим свидетельствуют о невозможности отстраниться от истории места и от травмы колониального прошлого.

Постапокалиптическое пространство Торонто

«Смуглая девушка в круге» Нало Хопкинсон – это роман о сообществе, оставшемся в центре Торонто после того, как экономический коллапс заставил большинство людей покинуть город.

¹Singh V. Delhi // *So Long Been Dreaming: Postcolonial Science Fiction & Fantasy*. Arsenal Pulp Press, 2004. P. 79–94.

Уже в самом начале текста мы видим метафорическое сравнение Торонто со ржавой ступицей колеса телеги, которая отделена блокпостами от спиц своих пригородов. Разрыв между городом и остальным миром не только физический, но и социальный: в Торонто царит беззаконие, оставшиеся жители выживают, сбиваясь в банды, занимаясь охотой и собирательством на руинах некогда цветущего пространства. Несмотря на внешний постапокалиптический контур, пространство, которое создает в своем тексте Хопкинсон, – магическое. Конфликт в семье Ти-Жанны имеет мало точек соприкосновения с технологией, социумом или проблемами выживания в агрессивной среде. Скорее, он сосредоточен на отношениях каждого члена семьи с их культурным наследием, сакральным знанием и магическими практиками. Будущее Торонто напрямую зависит от принятия героями своей афро-карибской идентичности и традиций.

События романа разворачиваются не столько в физическом пространстве города, сколько в его сакральном измерении. Физическое присутствие ориша и даппи (духовных существ и призраков африканского и карибского фольклора) в Торонто подтверждает популярную идею о том, что сакральные существа следуют за своим народом, носителями традиционной культуры в любое пространство, куда бы они ни переместились. Хопкинсон не задается вопросом, насколько плотно «насекают» ориша территорию всей Канады, но в Торонто их влияние достаточно сильное для того, чтобы превратить город в единое сакральное пространство:

Подобно дереву духов, которое символизировал центральный столб, Башня глубоко укоренилась в земле, где жили мертвые, и устремилась высоко в небеса, где жили самые древние предки².

Когда Ти-Жанна призывает ориша спуститься с небес, а мертвых подняться из земли, она буквально перестраивает физическое пространство всего внутреннего города, превращая его в огромный дворец вокруг центрального столба телебашни. Ориша нарушают как жизнь персонажей, так и их чувство реальности, но они делают это не по собственной прихоти, а по приглашению людей, которые хотят с ними взаимодействовать.

Границы Торонто, кольцо блокпостов, не просто отделяют город от всей остальной Канады, но являются границами между тем, где действует условное колониальное правительство, и тем, где главенствуют ориша, по сути проводя демаркационную линию между двумя типами пространства: колониальным

²Hopkinson N. *Brown Girl in the Ring*. New York: Warner Aspect, 1998.

и постколониальным. Роман, в некотором смысле, противостоит традиционной дихотомии реальное – нереальное, изображая третий вариант полуреального, или реально-нереального пространства. Для второстепенного персонажа Тони мир за пределами кольца блокпостов – реален, а Торонто – нечто между. Можно предположить, что реальность в романе зависит от того, кто и как ее себе представляет. В Торонто, из которого ушли порядок и цивилизация, пространство, прежде техногенное и человеческое, превратилось в сакральное и (немного) человеческое. Но этот человеческий уровень принадлежит не доминирующей культуре, а Другому, аутсайдеру.

Хопкинсон изображает в тексте общество, где процветают традиционные культурные практики, а духи играют важную роль в обеспечении благополучия своих адептов. Гро-Жанна и Ти-Жанна приглашают ориша в Торонто и выстраивают с ними взаимоотношения, чтобы помочь изолированному сообществу выжить и процветать в дальнейшем. Связь Ти-Жанны и ее бабушки с их живыми традициями, принятие ими собственной идентичности дают им возможность представить и в некотором смысле приблизить более светлое будущее.

Неутопический Йоханнесбург

«Зоосити» Лорен Бьюкес и «Сестра-сестра» Рэйчел Цадок изображают Йоханнесбург как пространственный палимпсест, акцентируя внимание на всех уровнях города. Хотя палимпсест обычно понимается как горизонтальное наложение текста или изображений, в данном случае он относится к вертикальному «измерению» города, от его ливневых стоков до небоскребов, отражая расовую и классовую иерархию, вписанную в его географию. Подземные пространства сыграли значительную роль в истории и развитии Южной Африки, но подземелье в Йоханнесбурге – это не просто похороненная история, это наслоение пространственных историко-социальных отношений. Сети туннелей сначала использовались почтовой службой, затем превратились в очаг сопротивления в эпоху апартеида, а потом стали основным способом доступа в город для маргинализированных субъектов, включая героев романов Бьюкес и Цадок.

Действие «Зоосити» развивается в футуристическом Йоханнесбурге, где таинственное явление связывает человека, совершившего преступление, с животным, которое спонтанно появляется рядом. Эти люди известны как «апосимбиоты», «апос», или «оживотненные». Зинзи Десембер получает ленивца в качестве своего животного-фамильяра и вынуждена переселиться, собственно, в Зоосити – район Йоханнесбурга, населенный бывшими

заключенными, беженцами и прочими маргинализированными субъектами. Являясь пространством вынужденной маргинализации, Зоосити, тем не менее, объединяет обитающих там людей, создавая чувство общности среди аутсайдеров, которые коллективно переосмысляют пространство, изначально предназначенное для их сепарации. Анимализированное тело размывает иерархические различия между человеческим и нечеловеческим, природой и культурой, собой и другими в эксперименте с межвидовым симбиозом. Если тело является социальным пространством, «симулякр города», то апосимбиоты в романе Бьюкес должны быть строго отделены от обычных людей как недо-человеческий класс, не совсем люди.

Передвигаясь с помощью туннелей между слоями Йоханнесбурга, Зинзи воображает пространство и, делая это, раскрывает слои истории, вписанные в плотную застройку города:

Туннели представляют собой свалку из черных как смоль термитных нор, некоторые из них сужаются до нуля, как будто тот, кто их копал, заскучал и заблудился¹.

Спускаясь в туннель, Зинзи натывается на лестницу, где «несколько притоков собираются на ступенях», и «сводчатый потолок, тянущийся как собор» за ее пределами, где современный цемент уступает место древней кирпичной кладке... викторианской реликвии золотых дней города». Подземелья в романе представляют собой метафору, описывающую проникновение старого в новое и наоборот. Это смешение времен, с одной стороны, накапливает коллективные воспоминания о прошлом города, отраженные в архитектуре, дизайне, рекламных плакатах; а с другой, формирует утопическое, третье пространство, в котором это прошлое переосмысливается и переоценивается.

Подземные пространства также важны в романе «Сестра-сестра» Рэйчел Цадок, хотя сам город кардинально отличается. Йоханнесбург, который мы видим глазами Зинзи, глубоко изолирован, жесток и опасен, но он по-прежнему остается оживленным мегаполисом, в котором есть пространства сопротивления и потенциала. Йоханнесбург в романе Цадок, напротив, пришел в упадок, и осиротевшие сестры-близнецы Тули и Синди бродят по городу, собирая мусор, чтобы выжить в мире автомагистралей и ночлежек, отдаленных умирающих деревень в засушливых землях и подземных туннелей, где бродят призраки мертвых детей. Сильное чувство энтропии пронизывает

¹Beukes L. Zoo City. Oxford: Angry Robot, 2010.

урбанистическое пространство романа, поскольку Цадок сплетает воедино пространственные практики прошлого и настоящего, чтобы пересоздать образ Йоханнесбурга.

Тули и Синди с детства считали себя двумя половинками целого, но после ряда травмирующих событий Синди поддается древнему поверью и полагает, что у нее нет души, душа досталась Тули, следовательно, она должна украсть душу сестры, чтобы спастись. Впоследствии Тули умирает от болезни, но ее душа остается привязанной к Синди. Этот странный дуэт – живая сестра и сестра-призрак – бродит по бесконечной кольцевой дороге вокруг Йоханнесбурга, пытаясь выжить в умирающем мире.

Интересно, что человеческое тело является пространством внутри города. Связь между телом (преимущественно, женским) и пространством является центральным принципом феминистской географии. В «Сестре-сестре» Цадок использует интуитивный язык тела для описания городского пейзажа, особенно дороги. Пространство в романе представлено с помощью телесных метафор: стены «сухие до костей», но всё еще пахнут водой, а туннели «полны призраков», которые протягивают руку и касаются Тули. Облака «подлы и бессмысленны», дорога, по которой бродят близнецы, «высасывает» их, и они «медленно запекаются, твердеют, как смола». Летом жара «разъедает» плоть, а зимой холод «высушивает» кости¹.

Герои романов Бьюкес и Цадок, перемещаясь между всеми уровнями урбанистического пространства, преобразуют его, даже если пространство ограничено пределами их собственных тел. Эта трансформация становится возможной только потому, что оба автора рассматривают город в первую очередь как воображаемое пространство. Бьюкес и Цадок объединяют формальные признаки НФ в гибридной форме, отражающей полиморфные особенности южноафриканского города, включая магию, традиционные религиозные практики и оккультизм, которые пронизывают его многочисленные слои.

¹Zadok R. Sister-Sister. Cape Town: Kwela, 2013.

Йоханнесбург в их текстах является лиминальным пространством, где перетекают друг в друга материальное и нематериальное, постепенно стирая какое-либо различие между тем, что реально, миметично или надежно, и тем, что магически, метафорично или вымышлено. Оба автора демонстрируют, что даже реальные города прежде всего и всегда воображаемы – они не могут существовать вне бессознательного. Реально воображаемый город является апокрифической сущностью, тем самым третьим пространством, о котором говорил Соджа. Персонажи романов постоянно пребывают в движении, исследуют пространство, присваивают его, создавая всё новые слои в городском палимпсесте, сплетая воедино исторические, социальные и культурные практики. Бьюкес и Цадок описывают Йоханнесбург как палимпсест, разыгрывая триалектику пространственности-историчности-социальности, а также позиционируя город как воображаемый и постоянно переписываемый для создания афрофутуристических представлений об урбанистическом пространстве. Хотя некоторые элементы их литературных географий можно было бы нанести на карту Йоханнесбурга, истинное пространство романов находится где-то в другом месте или «нигде».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прочтение урбанистического пространства как палимпсеста может стать способом творческой «реконструкции» реальности, которая способна объединить голоса и элементы множества культур. Пространства в текстах Н. Хопкинсон, В. Сингх, Л. Бьюкес и Р. Цадок открывают новые перспективы и возможности – их города, которые существуют и в то же время нигде не существуют, отделяются от настоящего и позволяют двигаться за пределы фактического. Литературная география – это многослойный проект, способный растворить колониальные, иерархические бинарности, и открыть новые возможности в неожиданных пространствах, в частности с помощью воображаемых ландшафтов НФ, чтобы отыскать альтернативные, утопические третьи пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Tally R. T., Jr. Geocritical Explorations: Space, Place, and Mapping in Literary and Cultural Studies. Palgrave Macmillan, 2011.
2. Said E. Culture and Imperialism. London: Vintage, 1994.
3. Толкачев С. П. Парадоксы постколониального пространства // Филология и культура. 2015. № 3 (41). С. 258–262.
4. Soja E. W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Oxford: Blackwell, 1996.
5. Rieder J. Colonialism and the Emergence of Science Fiction. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 2008.

6. Tiffin H. Post-Colonial Literatures and Counter-Discourse // The Post-Colonial Studies Reader. London and New York: Routledge, 2002. P. 95–98.
7. Langer J. Postcolonialism and Science Fiction. London: Palgrave Macmillan, 2011.
8. Banerjee S. Indian Science Fiction: Patterns, History and Hybridity. Cardiff: University of Wales Press, 2020.
9. Doley D. R. Imagining Alternatives: Exploring Postcolonial Paradigms and Resistance in Indian Science Fiction Narratives // International Journal for Multidisciplinary Research. 2024. Vol. 6. Issue 2. P. 1–12.
10. Suvin D. Positions and Presuppositions in Science Fiction. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1988.
11. Candelaria M. Reading Science Fiction with Postcolonial Theory // Reading Science Fiction. New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 133–141.
12. Bhabha H. The Location of Culture. London: Routledge, 1994.

REFERENCES

1. Tally, R. T., Jr. (2011). Geocritical Explorations: Space, Place, and Mapping in Literary and Cultural Studies. Palgrave Macmillan.
2. Said, E. (1994). Culture and Imperialism. London: Vintage.
3. Tolkachev, S. P. (2015). Paradoxy postkolonial'nogo prostranstva = Paradoxes of postcolonial space. Filologiya i kul'tura, 3(41), 258–262. (In Russ.)
4. Soja, E. W. (1996). Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Oxford: Blackwell.
5. Rieder, J. (2008). Colonialism and the Emergence of Science Fiction. Middletown, CT: Wesleyan University Press.
6. Tiffin, H. (2002). Post-Colonial Literatures and Counter-Discourse. In The Post-Colonial Studies Reader (pp. 95–98). London and New York: Routledge.
7. Langer, J. (2011). Postcolonialism and Science Fiction. London: Palgrave Macmillan.
8. Banerjee, S. (2020). Indian Science Fiction: Patterns, History and Hybridity. Cardiff: University of Wales Press.
9. Doley, D. R. (2024). Imagining Alternatives: Exploring Postcolonial Paradigms and Resistance in Indian Science Fiction Narratives. In International Journal for Multidisciplinary Research, 6(2), 1–12.
10. Suvin, D. (1988). Positions and Presuppositions in Science Fiction. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
11. Candelaria, M. (2009). Reading Science Fiction with Postcolonial Theory. In Reading Science Fiction (pp. 133–141). New York: Palgrave Macmillan.
12. Bhabha, H. (1994). The Location of Culture. London: Routledge.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хорошевская Юлия Павловна

кандидат филологических наук

доцент кафедры массовых коммуникаций и прикладной лингвистики

Ростовского государственного университета путей сообщения

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khoroshevskaya Yuliya Pavlovna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Mass Communications and Applied Linguistics

Rostov State Transport University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

29.03.2025
21.04.2025
22.04.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication